

RU

## Трансформация образа готического демона в романе В. Орлова «Альтист Данилов»

Осьмухина О. Ю., Трушкина А. П.

**Аннотация.** Целью исследования становится выявление специфики репрезентации образа готического демона в романе В. Орлова. Научная новизна состоит в том, что образ демона в «Альтисте Данилове» впервые целостно осмысливается в контексте готической традиции. Полученные результаты показали, что прозаик, учитывая «классические» версии демонических персонажей (М. Булгаков, И. В. Гёте, О. Уайльд, Р. Л. Стивенсон), переосмысливает образ «демона на договоре»: призванный совершать зло, наделенный inferнальной силой, обладая сверхъестественными способностями, он не применяет их в человеческом мире; по заключении сделки с темными силами он не теряет собственную душу, но приобретает её, что способствует в конечном итоге окончательному превращению демона в человека.

EN

## Transformation of Gothic Demon's Image in V. Orlov's Novel "Danilov, the Violist"

Osmukhina O. Y., Trushkina A. P.

**Abstract.** The paper aims to identify specificity of the gothic demon's image representation in V. Orlov's novel. Scientific originality of the study lies in the fact that the demon's image in "Danilov, the Violist" is for the first time analysed in the context of the gothic tradition. The conclusions are justified that referring to "classical" demonic images (M. Bulgakov, J. W. Goethe, O. Wilde, R. L. Stevenson), the writer reinterprets the image of a "contract demon": called to commit evil, endowed with infernal power, possessing supernatural abilities, he does not apply them in the human world; upon concluding a deal with dark forces, he did not lose his soul, he gained it, which finally leads to transformation of a demon into a human.

### Введение

Как известно, зарождение готической традиции происходит в европейской словесности в середине XVIII столетия, после чего она прочно закрепляется в литературе, причем не только в западной, но и в отечественной, а уже позднее выходит за её рамки, становясь неотъемлемой частью социокультурного пространства – от прозы и поэзии до кинематографа, комиксов и др. визуальных искусств. Практически в то же время готическая литература успешно воспринимается и русской культурой. Как справедливо указывают О. Ю. Осьмухина и А. Б. Танасейчук, «в течение XIX-XX вв. отечественная проза прочно усваивает европейскую готику, что воплотилось в повестях М. Погодина, А. Погорельского, А. К. Толстого, Н. В. Гоголя, в прозе Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, Т. Толстой, А. Старобинец и др.» [15, с. 77]. Характерной особенностью литературной готики является «тематика и философия мирового зла» [10, с. 79]. Традиционно эти мотивы воплощены в образе злодея, который, по словам В. Вацура, обладает дьявольской силой [3, с. 3]. Образ демона-злодея – один из самых древних и частотных в мировой литературе. При этом с развитием словесности образ демона-злодея подвергся значительной трансформации: из отвратительного существа преисподней он превратился в таинственную личность, окруженную ореолом страдания, вселяющую не чувство страха, но глубокую печаль, а нередко и вселенскую скорбь. Наиболее серьёзные метаморфозы, на наш взгляд, этот образ претерпел именно в литературе XX столетия. В связи с этим актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью осмысления специфики воплощения образа демона-злодея в отечественной прозе XX столетия, широко репрезентующей различные типы inferнальных персонажей (оборотни, вампиры, падшие ангелы, «демоны на договоре»).

Задачи нашей работы – проанализировать образ демона в романе В. Орлова «Альтист Данилов», выявив его ключевые особенности; осмыслить специфику трансформации образа демона в контексте готической традиции XIX-XX вв.; проанализировать связанные с ним ключевые сюжетобразующие готические мотивы.

Теоретической базой статьи стали исследования, посвященные изучению различных аспектов творчества В. Орлова [1; 4-9; 11-12; 13, с. 3; 16-17; 20] и развитию готической традиции [2-3; 15; 18-19]. Методами исследования явились сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, культурно-исторический, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её результаты, материалы и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории и теории отечественной литературы, курсах по выбору и факультативных курсах, посвящённых углублённому изучению русской литературы XX в., традиции становления и развития отечественной готической прозы; при написании соответствующих глав учебников и учебных пособий.

### Образ демона в романе «Альтист Данилов»

Итак, как мы уже указали, образ героя-злодея, нередко репрезентированный различного рода демоническими сущностями (от «фаустианы» [8], к которой примыкают «Адский житель» Ф. де ла Мотт Фуке и «Агасфер» С. Гейма, романтизированных вампиров в отечественном и западном фэнтези последних десятилетий до разнообразных реинкарнаций посланников ада в кинематографе, примером чего могут являться «Ребенок Розмари», 1968; «Экзорцист», 1973; «Омен», 1976; «Одержимость Майкла Кинга», 2014; «Песнь дьявола», 2016; «Демон внутри», 2017 и др.), весьма характерен для литературной готики XIX-XX вв. В этом контексте примечателен и роман В. Орлова «Альтист Данилов».

Главный герой произведения – демон, однако его образ неоднозначен: писатель предлагает собственную интерпретацию традиционного демона-злодея. Как справедливо отмечает В. Ю. Грушевская, образ демона здесь во многом противопоставлен клишированному образу «демонического» героя – «Данилов не претендует ни на исключительность, ни на величие», более того, он, «вопреки мифологической традиции, помогает ближним, исправляет чужие ошибки, восстанавливает справедливость» [5, с. 17]. В дополнение рассуждений исследовательницы добавим, что герой не просто исправляет несправедливость и оказывает поддержку другим персонажам, он сам, без чьей-либо помощи, в процессе «погружения» в обыденную человеческую жизнь преодолевает в себе начало демоническое и становится настоящим человеком.

Персонаж В. Орлова включает в себе один из ключевых мотивов литературной готики – мотив двойничества, воплощенный в появлении персонафицированной темной сущности личности: по справедливому мнению Н. Я. Берковского, «темный», «подтекстовый человек» становится двойником героя, его alter ego «со знаком минус». Он стремится полностью завладеть сознанием персонажа и, более того, занять его место, стать «тоже действующим лицом и даже состязается с тем и смещает того, кому он вначале был обязан своим существованием» [2, с. 476]. Уже завязка романа свидетельствует о том, что музыкант Владимир Данилов, с одной стороны, обычный советский интеллигент, частная жизнь и быт которого описаны с точностью до деталей; а с другой – «демон на договоре» [14, с. 68], посланный «Канцелярией Того Света» [Там же, с. 24] на Землю, чтобы причинять людям мелкий, но существенный вред. На первый взгляд, Данилов является вполне типичным готическим злодеем-двойником, во внутреннем мире которого происходит постоянная борьба Добра со Злом. В текстах отечественной и зарубежной словесности, как известно, зачастую этот поединок оказывается для персонажа губительным: достаточно вспомнить Дориана Грея из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», а также Доктора Джекила / Мистера Хайда из одноимённой повести Р. Л. Стивенсона, персонажей «Песочного человека» Э. Т. А. Гофмана или же «Вильяма Вильсона» Э. По. Однако В. Орлов трансформирует традиционный мотив двойничества, в результате чего во внутреннем мире героя победу одерживает Добро.

В начале повествования главный герой Владимир Данилов изображён типичным представителем «Того Света» [Там же, с. 28]. В юности он был настоящим «шалопаем» [Там же, с. 30]: делал мелкие пакости, обольщал, а затем бросал женщин, насмехался над стариками. Более того, в «Лицее» [Там же, с. 26] он был одним из лучших учеников, демонстрируя уникальную демоническую способность «всё знать, всё чувствовать, всё видеть...» [Там же]. Но была у героя особенность, которая не позволяла ему стать полноценным демоном-злодеем: «Хуже обстояло у Данилова дело с необходимостью все презирать и ненавидеть. В теории-то он жутко стал все презирать. Как он все ненавидел! Но вот на практике, то ли из-за нехватки общих знаний, то ли по какой иной причине, чувство ненависти к человечеству то и дело вызывало у Данилова колики в желудке и возле желчного пузыря» [Там же]. Из процитированного фрагмента становится очевидным ироническое «снижение» образа героя и его «практических» навыков демона-губителя. Именно с этого эпизода, кстати, и начинаются отступления от канонического образа готического демона.

### Особенности трансформации образа демона

Попадая в мир людей, альтист внешне ничем от них не отличается, да он и сам не хочет выделяться, а тем более – показывать свою истинную природу. В некоторых ситуациях Данилов ведёт себя как настоящий добпорядочный советский гражданин: «Данилов вел полуслепую старушку через улицу возле метро “Щербаковская”» [Там же, с. 410].

Кстати, именно человечность, которую музыкант приобретает на Земле, в финале романа спасает ему жизнь. Так, герой оказался свидетелем мучений Большого Синего Быка, держащего на себе все Девять Слоёв

(и здесь, на наш взгляд, очевидная отсылка, пусть «обытовленная» и переосмысленная, к девяти кругам дантовского Ада). Желая хоть как-то помочь ему, Данилов решает, вопреки всем запретам, почесать Быку спину: «“Бедняга!” – подумал Данилов. В завале он отыскал обломок кости потоньше и подлиннее, сунул его в трещину, достал до спины Быка, почесал ее. Веки животного поднялись, видимый Данилову глаз показался ему благодарным, он просил: “Еще!”. Данилов долго почесывал обломком кости Быка. Наконец веко Большого Быка опустилось, и Данилов понял: “Хватит”» [Там же, с. 336]. Затем Большой Синий Бык, держащий на спине Вселенную, сыграл огромную роль в судьбе альтиста: именно по его требованию судьи сменили смертную казнь на пожизненное наказание.

Подчеркнем, что персонаж романа обладает сверхъестественными способностями, которые очень ценятся «Канцелярией Того Света» [Там же, с. 24], что, безусловно, роднит его с классическим образом демона, но среди людей Данилов старается не применять их: «Не был Данилов способен на мелкую месть, а тут взволновался, не смог сдержаться, и Георгий Николаевич сейчас же, прямо у стены, заболел австралийским гриппом» [Там же, с. 14-15]. Более того, он находит способ ограничения своей силы, надевая специальный серебряный браслет, позволяющий ему контролировать собственное состояние: «Данилову выдали серебряный браслет системы “Небо – Земля”... На одной из пластинок браслета была художественно выгравирована буква “Н”, на соседней – буква “З”. Стоило Данилову рукой или волевым усилием сдвинуть пластинку с буквой “Н” чуть вперед, как он сейчас же переходил в демоническое состояние. Движение пластинки с буквой “З” возвращало Данилова в состояние человеческое. Быть демоном и человеком одновременно Данилов не имел права» [Там же, с. 31].

Герой не переводит себя в демоническое состояние даже в тяжёлые жизненные моменты. Ярким примером может служить эпизод решающего концерта, после которого о Данилове стали говорить как о музыканте, обладающем совершенно необычайным талантом: «Данилов вспоминал секунды скверной игры на репетициях, секунды отчаяния, когда его подмывало сдвинуть пластинку браслета. Но это мальчишеское желание могло привести лишь к минутному триумфу или потрясению, а ничего бы не изменилось. Просто он, Данилов, был бы в те мгновения не творцом, не артистом, не личностью, а патефонной иглой. <...> А Данилов во всем желал своего, то есть того, что бы делало его личность личностью. Вот как человек он постигал музыку с удовольствием. Все открывал сам. Чаще мучился и страдал, но уж и радовался иногда, как творец» [Там же, с. 272]. Отношение главного героя к музыке – предмет специального исследования, поскольку музыка в романе играет особую, функциональную роль. Отметим лишь, что даже ради любви к искусству (герой живёт музыкой, ибо он не просто исполняет её – музыка звучит у него внутри), граничащей в некоторых случаях с дикой страстью, Данилов не позволяет себе обращаться к потусторонним силам. В этом отношении он противопоставлен другому персонажу, Николаю Борисовичу Земскому, который с лёгкостью может вступить в сделку с дьяволом ради постижения тайн музыки: «Я люблю расписку дам, самую страшную, кровью так кровью, – сказал Николай Борисович, – душа моя нужна, так возьмите душу, жизнь – так жизнь, муки я должен потом претерпеть или дело какое исполнить, извольте, я согласен! Только утолите мои желания!» [Там же, с. 234]. Не применяет герой свои способности и во время пропажи альта Альбани. Здесь он вновь ведёт себя как простой советский интеллигент, обращаясь к милиции и надеясь на её помощь.

Любовная линия в романе соответствует традиционной готической формуле: «девушка (жертва) – её возлюбленный (защитник) – злодей». Однако отметим, что «статус» Данилова периодически колеблется. Так, в некоторых сценах его в какой-то степени можно соотнести со злодеем, характер которого отличается эгоизмом, чувством собственности и желанием обладать избранницей: «Наташа справедливо полагает жить и сама по себе, а не только при нем... <...> Но сейчас Данилов почувствовал себя чуть ли не обиженным. Отчего же в сию минуту Наташи не было рядом?» [Там же, с. 288]. Но в большей степени персонаж проявляет себя именно в роли защитника. В этом отношении показательной является сцена дуэли, на которую музыкант вызывает своего давнего друга Кармадона: «Неужели ты решил чинить мне препятствия? – удивился Кармадон. – Ты должен понять, как нужна мне теперь она... Именно она. – Это исключено, – сказал Данилов. <...> – Что же нам, силой, что ли, придется мериться? – усмехнулся Кармадон. – Как пожелаешь, – сказал Данилов. – Я не отступлю» [Там же, с. 186].

Примечательно, что существенную роль в романе играет отсутствие портретной характеристики Владимира Данилова, в то время как у других демонов внешность описана подробно (достаточно вспомнить, к примеру, Медарда из «Эликсиров Сатаны» Гофмана или Воланда из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова). Прозаик делает акцент именно на взгляде представителя «Того Света» [Там же, с. 28], ведь, как известно, это ключевая портретная деталь злодея в готическом романе: «Глаза у Кармадона стали злые и зелёные» [Там же, с. 186]. Или: «Но страшнее всего был взгляд Кармадона. Надменный, огненный, мертвящий» [Там же, с. 198]. Или: «Она [демонша Анастасия. – О. О., А. Т.] смеялась, но в оранжевых глазах её Данилов уловил укориэну» [Там же, с. 132].

Возвращаясь к разговору о борьбе Добра и Зла в сознании главного героя, подчеркнём, что финальную точку в этом поединке ставят верховные демоны во время суда над Даниловым: «Данилов, если судить по его поступкам и умонастроениям, теперь более человек, нежели демон...» [Там же, с. 424]. Таким образом, В. Орлов трансформирует константный готический образ демона-злодея: персонаж превращается из демона в человека. Автор, являясь продолжателем концепции М. Булгакова, который, как известно, в «Мастере и Маргарите» наделил Воланда и его свиту функцией восстановления справедливости, по нашему мнению, идёт дальше него, изображая в своём произведении демона героем положительным, демонстрируя постепенный процесс его очеловечивания.

### Сюжетообразующие мотивы литературной готики в романе

Однако, несмотря на существенные отклонения от канонического злодея, Данилова можно считать персонажем сугубо готическим, поскольку с ним связаны классические сюжетообразующие мотивы литературной готики. С образом традиционного демона персонажа Орлова роднит история его появления на свет. Писатель в полной мере воссоздаёт миф о связи земной женщины с демоном, соблазнившим её: «Данилов был демоном лишь по отцовской линии. По материнской же он происходил из людей. А именно – из окающих людей верхневолжского города Данилова. Отца Данилов не знал. Данилов был грудным ребенком, когда отца его за греховную земную любовь и за определенное своеобразие личных свойств навечно отослали на Юпитер. Там ему положили раздувать газовые бури. Да и мать Данилова тогда же и сгинула» [Там же, с. 24]. Напомним, что это один из древнейших архетипических литературных мотивов: он прошёл долгий путь от библейских легенд до романов С. Кинга (серия «Тёмная башня»). Наиболее ярко он воплощён в популярном готическом романе XX столетия «Ребёнок Розмари» А. Левина, обретшим мировую известность благодаря экранизации Р. Полански 1968 г. Здесь демон отождествляется с главой потустороннего мира, избравшим героиню матерью своего сына на земле и оплодотворившим её во сне.

Другой готический сюжет, относящийся к «вечным» в мировой литературе, связанный с образом альтиста, – сделка с дьяволом. Его истоки генетически восходят к европейскому и славянскому фольклору и связаны с представлениями о том, что душу можно обменять на какую-то ценность у нечистой силы. В культуре западной этот сюжет берет начало в народной «Истории о докторе Фаусте» и находит своё отражение в художественных текстах И. В. Гёте, Г. Гессе, Т. Манна и др. В отечественной литературе сделку с дьяволом как сюжетную модель использовал широкий круг писателей (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. А. Булгаков и т.д.). В. Орлов также включает этот сюжет в свой фантастико-мистический роман, однако вновь в трансформированном виде. Традиционно сюжет сделки с дьяволом делят на три структурных компонента: клятва отдать душу за что-либо; следующие за клятвой исполнения желаний; неизбежная потеря души [12, с. 164]. Писатель сохраняет структуру сюжета, но интерпретирует её составляющие.

Во-первых, Данилов не отдаёт свою душу (у него её нет изначально). Во-вторых, «демон на договоре» получает свои блага только будучи человеком, более того, он не выполняет пункты контракта, за что впоследствии несёт наказание. В-третьих, в финале истории персонаж не теряет душу, а, напротив, приобретает её. Подчеркнём, что автор, описывая процесс заключения договора, сохраняет традиционный готический антураж: «Между ним и Канцелярией от Порядка был заключен договор. Начальник канцелярии поставил свою подпись желтыми несгораемыми чернилами, Данилов по закону расписался кровью из вертикальной голубой вены» [14, с. 24].

Любопытно, что прозаик включает эту сюжетную коллизию в роман дважды. Он фактически разворачивает её в двух реальностях: в мире Того Света и в советской России 1980-х годов. Кстати, подобное перенесение готического сюжета в современную автору реальность позволяет утверждать, что «Альтисту Данилову» присущи и черты неоготики. «Когда он опустил ручку, все притихли, и у Данилова возникло ощущение, будто отныне он будет связан с хлопобудами чем-то важным. Пусть не кровью, но и не чернилами» [Там же, с. 124]. Общество «хлопобудов» [Там же] Орлов представляет как нечто мистическое, потустороннее.

С демоном Даниловым связан важнейший мотив, присущий литературной готике – мотив превращения. В романе он реализуется в духовном и физическом планах. Персонаж, чтобы помочь своему другу Кармадону, принимает облик быка: «Через секунду он был уже быком, ростом даже и поболее быка Василия, но другой масти – шерсть его вышла зеленая с белыми полосками, отчасти напоминавшая о тельняшке. Данилов четырьмя ногами пошел прямо на лейтенанта, тот поглядел на него с уважением и пропустил на поле» [Там же, с. 146]. Здесь проявляется его демоническое естество. На уровне духовном происходит постепенное превращение демона-шалопа в благочестивого человека.

Говорить о Данилове как о представителе тёмной силы заставляют и его сверхъестественные способности: полёты, купания в молниях, перемещение в разные миры. Эти особенности характеризуют альтиста не только как готического героя, но и как типичного персонажа фэнтези.

### Заключение

Итак, в результате исследования мы пришли к следующим выводам. В романе «Альтист Данилов» прозаик избирает в качестве центрального традиционный для готической словесности образ «демона на договоре» (посланец темных сил – «Канцелярии Того Света», призванный сеять вражду и творить зло в мире человеческом). Однако В. Орлов на протяжении сюжетного развертывания демонстрирует очевидную трансформацию готического демона-злодея: из носителя темного начала, наделенного мистическими способностями, Данилов, много размышляющий о смысле жизни и человеческом счастье, «воспитывающийся» музыкой, познающий подлинную любовь с «земной» женщиной, проникающийся людскими болью и страданиями, лишается демонического ореола и начинает осознавать себя частью всего человечества. По сути, в финале романа образ демона становится связующим звеном между, условно говоря, земным и вечным.

Перспективой дальнейшего исследования, на наш взгляд, может стать не только дальнейшее изучение своеобразия демонических образов в отечественной словесности (повесть Т. Королёвой «Тимур и его команда и вампиры», роман А. Иванова «Пищевлок» и т.д.), но и в целом осмысление преломления готической традиции в цикле В. Орлова «Останкинские истории» («Аптекарь», «Шеврикука, или Любовь к привидению»), в других текстах прозы

«ужасов» (А. Кош «Вечеринка в стиле “вамп”», Э. Линник «Приключения вампирши Элеоноры», цикл А. Пехова, Н. Турчаниновой, Е. Бычковой «Киндрэт. Кровные братья» и др.), в том числе в образцах mashup.

### Список источников

1. Агеносов В. В. Советский философский роман. Генезис. Проблематика и типология: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1988. 32 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Вацуру В. Э. Готический роман в России. М.: НЛО, 2002. 544 с.
4. Гаджиев А. А. Метаморфозы демонической канцелярии (фантазмагории А. Кима и В. Орлова) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 162-168.
5. Грушевская В. Ю. Художественная условность в русском романе 1970-1980-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2007. 23 с.
6. Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2008. 20 с.
7. Зайнуллина И. Н. Миф в русской прозе конца XX - начала XXI веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004. 21 с.
8. Ишимбаева Г. Г. Фаустианская тема в немецкой литературе: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1999. 34 с.
9. Ковтун Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000. 57 с.
10. Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
11. Козырев К. А. Фольклорно-мифологические элементы в литературе постмодернизма: на материале творчества М. М. Попова: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 18 с.
12. Коханова В. А. Архетипические сюжеты в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М. А. Булгаков и булгаковедение в научном и образовательном пространстве: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2011. С. 164-173.
13. Милов К. «Альтист Данилов»: люди и демоны // Молодость Сибири. 1980. 4 сентября.
14. Орлов В. В. Альтист Данилов. М.: Вече, 2017. 544 с.
15. Осьмухина О. Ю., Танасейчук А. Б. Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призраки Оперы» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 1 (28): в 2-х т. Т. 1. Филология. С. 76-84.
16. Суханова И. А. Отсылки к смежным искусствам в романе В. Орлова «Альтист Данилов» // Язык русской литературы XX века. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. Вып. 2 / под общ. ред. О. П. Мурашовой, Н. А. Николиной. С. 142-166.
17. Суханова И. А. Филологический анализ интертекста на материале романа В. Орлова «Альтист Данилов». Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. 190 с.
18. Тмарченко Н. Д., Малкина В. Я., Зусева В. Б., Полякова А. А., Самородницкая Е. И., Михалёва А. А., Федунина О. В. Готическая традиция в русской литературе. М.: РГГУ, 2008. 352 с.
19. Трушкина А. П. Память жанра: готический роман в прозе Ю. Мамлеева («Шатуны») // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: колл. монография. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 577-582.
20. Харитонова З. Г. Формы диалога с М. А. Булгаковым в современной отечественной прозе: 1980-2000-е годы: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2009. 24 с.

### Информация об авторах | Author information



Осьмухина Ольга Юрьевна<sup>1</sup>, д. филол. н., проф.  
Трушкина Алена Петровна<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск



Osmukhina Olga Yurievna<sup>1</sup>, Dr  
Trushkina Aliona Petrovna<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

<sup>1</sup> osmukhina@inbox.ru, <sup>2</sup> trualena1998@mail.ru

### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.12.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

**Ключевые слова (keywords):** В. Орлов; роман; готика; образ демона; прием; V. Orlov; novel; gothic; demon's image; technique.